

Т. В. ГАМКРЕЛИДЗЕ

К ПРОБЛЕМЕ «ПРОИЗВОЛЬНОСТИ» ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Вопрос о природе языкового знака, о сущности отношений, составляющих содержание знака, представляется одной из центральных проблем языкознания и общей теории знаковых систем, современной семиотики, основные принципы которой были изложены в общих чертах еще Ч. Персом и Ф. де Соссюром. Данные лингвистики как одного из основных и наиболее развитых разделов семиотики о сущности языкового знака представляются особо ценными при общей характеристике знаковых систем и определении природы знака вообще.

В своей общей классификации знаков Ч. Перс исходит из строгого разграничения материальной стороны знака, означающего знака, и его непосредственной интерпретации, т. е. его означаемого¹. Различия, проявляемые в отношениях между означающим и означаемым, дают основание выделить три фундаментальных типа знаков: 1) иконы-знаки, в которых означающее характеризуется определенной степенью сходства с означаемым, представляет его отражение или повторение (например, изображение животного как знак-икона данного животного); 2) индексы-знаки, в которых означающее связывается с означаемым причинно-следственным или другим (например, «близости», «следования в пространстве и времени») отношением по принципу *aliquid stat pro aliquo* (например, дым является знаком-индексом огня) и 3) символы-знаки, в которых означающее связывается с означаемым условно, конвенционально, где эта связь произвольна и осуществлена в силу определенного правила².

Проблема характера связи, отношения между означаемым и означающим языкового знака, между звуковой стороной слова и выражаемым им значением является одной из древнейших проблем лингвистики, вызывавшей жаркие споры еще на заре научной лингвистической мысли: установлена ли связь между формой и содержанием слова «по природе» (*phusei*) или «по соглашению» (*thesei*). К этой проблематике сводятся в сущности и

¹ Понятие о знаке как о единстве двух его составляющих — «означающего» и «означаемого» — представлено уже в теории стоиков, рассматривавших «означающее» (*sēmainon*) как сущность, воспринимаемую через чувства (*aisthēton*), а «означаемое» (*sēmainomenon*) как сущность, воспринимаемую через разум (*noēton*).

Эта дихотомия между формой и содержанием, различающая в языке «означающее» и «означаемое», легла в основу средневековой философии языка, а также, по всей видимости, позднейших знаковых теорий Ч. Перса и Ф. де Соссюра, с терминологией, поразительно напоминающей доктрину стоиков (ср.: R. Jakobson, *À la recherche de l'essence du langage*, «Diogenes», 51, 1965, стр. 22—23; R. H. Robins, *A short history of linguistics*, London, 1967, стр. 16).

² См.: Ch. S. Peirce, *Elements of logic*, 2, ch. 2—3, Cambridge (Mass.), 1932.

Подробнее об этом с широким сопоставительным анализом различных семиотических систем см.: R. Jakobson, *Language in relation to other communication systems*, Milano, 1970, стр. 3 и сл.; см. также: R. Jakobson, *Selected writings*, II, The Hague — Paris, 1971, стр. 697—708; его же, *Linguistics*, в кн. «Main trends of research in the social and human sciences», I, Paris — The Hague, 1970, стр. 419 и сл. К сравнению языка с другими знаковыми системами см. также «Материалы к конференции „Язык как знаковая система особого рода“», М., 1967.

попытки определения природы языкового знака в лингвистике нового времени, с особым упором на функциональный, нежели генетический, аспект проблемы³. В зависимости от решения этого вопроса в положительном или отрицательном смысле выделяются прямо противоположные точки зрения на природу и сущность языкового знака.

Среди лингвистов нового времени, утверждавших тезис о произвольности, конвенциональности языкового знака, следует упомянуть в первую очередь В. Д. Уитни, доктрина которого была в дальнейшем воспринята и развита Ф. де Соссюром⁴. «Связь, объединяющая означающее с означаемым, произвольна», — заявляет Ф. де Соссюр. Принцип произвольности языкового знака (*l'arbitraire du signe*) является первым и одним из основных принципов всей лингвистической концепции Ф. де Соссюра. Согласно Соссюру, «этот принцип подчиняет себе всю лингвистику языка; последствия его неисчислимы»⁵.

После выхода в свет «Курса общей лингвистики» в 1916 г. тезис о произвольности, условности связи между означаемым и означающим, об отсутствии внутренней мотивированности между звуковой стороной слова и его смысловым содержанием определял взгляд большинства лингвистов на природу языкового знака⁶.

Однако этот взгляд на природу лингвистического знака является далеко не единодушным, и в современной лингвистике зачастую раздаются голоса противников соссюрковского тезиса, усматривающих принципы мотивации в отношениях между означающим и означаемым⁷. Особое место среди них занимают возражения, выдвигаемые против соссюрковского тезиса Э. Бенвенистом⁸ и Р. Якобсоном⁹.

³ Ср.: K. B ü c h n e r, *Platons Kratylus und die moderne Sprachphilosophie*, Berlin, 1936; W. S c h n e i d e r, *Über die Lautbedeutsamkeit*. «Zeitschrift für deutsche Philologie», 63, 1930.

⁴ Ср.: R. G o d e l, *Les sources manuscrites du «Cours de linguistique générale» de F. de Saussure*, Genève — Paris, 1957, стр. 193 и сл.

⁵ F. d e S a u s s u r e, *Cours de linguistique générale*. Édition critique par R. Engler, fasc. 2, Wiesbaden, 1967, стр. 152 и сл. О вероятных влияниях на Соссюра при формировании концепции произвольности языкового знака см.: E. C o s e r i u, *L'arbitraire du signe. Zur Spätgeschichte eines aristotelischen Begriffes*, «Archiv für das Studium der Neueren Sprachen und Literaturen», 204, 2, 1967, в которой дается критический обзор истории возникновения и развития в различных философских и лингвистических теориях положения о произвольности, немотивированности языкового знака. Согласно автору, тезис о произвольности языкового знака, нашедший широкое распространение в философии и лингвистике еще задолго до Соссюра, восходит прямо или косвенно к аристотелевской доктрине об исторически обусловленной функциональной связи — *kata synthēkēn* — звука со значением.

⁶ См. критический обзор литературы по этому вопросу, с учетом рукописных материалов Соссюра: R. E n g l e r, *Théorie et critique d'un principe saussurien: l'arbitraire du signe*, CFS, 19, 1962; е г о ж е, *Compléments à l'arbitraire*, CFS, 21, 1964; см. также: E. F. K. K o e r n e r, *Contribution au débat post-saussurien sur le signe linguistique: introduction générale et bibliographie annotée*, The Hague — Paris, 1971; «Zeichen und System der Sprache», I, II, Berlin, 1961—1962. А. С. Чикобава, *Проблема языка как предмета языкознания*, М., 1959, стр. 113 и сл. Произвольность языкового знака рассматривается некоторыми исследователями в качестве языковой универсалии: «Отношение между значимым элементом в языке и его денотатом независимо от какого-либо физического или геометрического сходства между ними» (см.: Ch. F. H o c k e t t, *The problem of universals in language*, сб. «Universals of language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963, стр. 8).

⁷ Ср.: H. S p a n g - H a n s s e n, *Recent theories on the nature of the language sign*, TCLC, IX, 1954, стр. 93 и сл.; ср. также «Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака», JL, 1969.

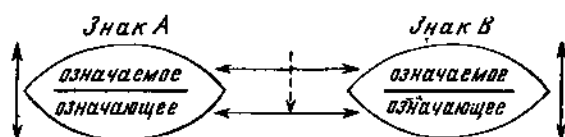
⁸ См.: E. B e n v e n i s t e, *Nature du signe linguistique*, AL 1, 1939, стр. 23—29; ср.: «Readings in linguistics», II, Chicago — London, 1966, стр. 104—108.

⁹ R. J a k o b s o n, *À la recherche de l'essence du langage*, «Diogenes», 51, 1965; ср. также: R. J a k o b s o n, *Selected writings*, II, стр. 345 и сл.

Принципы современной теории знаковых систем о рассмотрении системы на трех различных уровнях, представляющих разные типы абстракции — семантическом, синтаксическом и прагматическом¹⁰, применимы в полной мере к языковой системе и языковым знакам¹¹. При этом рассмотрение системы в семантическом и синтаксическом аспектах может не совпадать по результатам с рассмотрением ее в прагматическом аспекте, предполагающем учет потребителя знака, его отношение к знаковой системе.

Соображения Э. Бенвениста о тесной, естественно обусловленной связи для говорящего и слушающего между означающим и означаемым предполагают перенесение обсуждаемой проблемы исключительно в план прагматики, оценивающей знаковую систему с точки зрения носителя данной системы с учетом конкретных психологических ассоциаций¹². Поэтому возражения Э. Бенвениста против условности связи между означающим и означаемым, относящиеся полностью к сфере прагматики, не затрагивают в принципе характера отношений между означаемым и означающим, рассматриваемых в семантике и синтактике.

Как известно, языковой знак, как и знак любой семиотической системы, должен определяться не только через отношения означающего с означаемым, но и через отношения данного знака к другим знакам системы, как на уровне означающих, так и на уровне означаемых. Иными словами, при определении знака семиотической системы следует учитывать как «вертикальные» отношения между составляющими знака, отношение между означающим и означаемым, так и «горизонтальные» отношения между составляющими знака, т. е. отношения между означаемыми и отношения между соответствующими означающими, существующие в соотносимых знаках данной семиотической системы. «Горизонтальные» отношения, в отличие от отношений «вертикальных», характеризуются дуплановостью поскольку они предполагают отношения между двумя составляющими лингвистического знака — отношения между означаемыми и отношения между соответствующими означающими знаков данной системы. Схематически такую дуплановость горизонтальных отношений можно представить следующим образом:



При таком дифференцированном подходе к языковому знаку и к отношениям, составляющим его сущность, при рассмотрении языкового знака комбинированно в семантическом и синтаксическом аспектах, снимается целый ряд возражений, выставляемых против соскюрского тезиса о произвольности лингвистического знака. Тезис Соссюра не полон в том смысле, что он характеризует лишь «вертикальные» отношения, его следует аксплицировать как характеристику, относящуюся лишь к «вертикальному» отношению между означаемым и означающим и не затрагиваю-

¹⁰ Ch. W. Morris, *Foundations of the theory of signs*, Chicago, 1938; C. Chéruy, *On human communication*, New York, 1957, стр. 221 и сл.

¹¹ Ch. W. Morris, *Signification and significance*, Cambridge (Mass.), 1964, стр. 60 и сл.; ср. также: И. А. Мельчук, *Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними*, ИАН ОЛЯ, 1968, 5, стр. 426 и сл.

¹² Ср. также: E. Lerch, *Vom Wesen des sprachlichen Zeichens oder Symbols*, AL, 1, 1939.

щую характера «горизонтальных» отношений. Поскольку языковой знак есть лингвистическая сущность, определяемая через оба этих вида отношений, всякая характеристика его исключительно через одни отношения, без учета других, является частичной и неполной¹³.

С другой стороны, тезис о мотивированности языкового знака, противопоставляемый соссюрскому тезису о произвольности связи между означаемым и означающим, затрагивает исключительно план «горизонтальных» отношений и не может относиться к «вертикальным» отношениям, которые синхронно характеризуются в сущности условностью связи между означаемым и означающим: конкретное означаемое может быть выражено в принципе любой допустимой в данном языке последовательностью фонем¹⁴. Эта особенность «вертикальных» отношений и является одним из факторов многоязычия, способствующим также фонетическому преобразованию языка в диахронии.

Попытка обнаружить в естественных языках определенные соответствия между звуковым (фонетическим) символизмом и фонемным составом означающих не дает в общем случае положительных результатов. Можно установить в экспериментальных условиях конкретные модели соответствий звуков значениям, характеризующиеся универсальной значимостью¹⁵, но эти звуки не распределяются в означающих естественных языков в соответствии с выражаемыми ими в отдельности символическими значениями¹⁶.

В этом смысле «вертикальные» отношения принципиально отличаются от «горизонтальных». Спецификой «горизонтальных» отношений является их двуплановость, предполагающая наличие как бы параллельных зави-

¹³ В части «Курса», посвященной лингвистическим значимостям (ч. II, гл. IV), Соссюр вводит понятие соотношений между знаками, символизирующих их значения (signification), однако значимость (valeur) у Соссюра не определяет характера отношений между означающим и означаемым соответствующих знаков. Понятие значимостей знаков скорее зависит от принципа произвольности связи между означающим и означаемым, рассматриваемой Соссюром в изолированно взятом знаке (ср.: E. E n g l e r, *Théorie et critique d'un principe saussurien: l'arbitraire du signe*).

¹⁴ При этом, естественно, не имеются в виду звукоподражательные слова (фонетически мотивированные), составляющие периферийную лексику, а также знаки (слова) с морфологической или семантической мотивацией (см.: S. U l l m a n n, *Semantic universals*, сб. «Universals of language», Cambridge (Mass.), 1963). Вопрос касается характера так называемых первичных знаков, конечных составляющих слов языка, *prima opomata* — по терминологии «Кратила» Платона; *l'arbitraire absolu* — по Соссюру (в отличие от *l'arbitraire relatif*), ср. «Cours de linguistique générale». Édition critique par R. Engler, fasc. 2, стр. 297—303.

¹⁵ Так, например, гласные звуки, которые на вокальной шкале находятся вблизи гласного *a* (компактные) имеют тенденцию обозначать «большой», а гласные, примыкающие к *i* (диффузные), выражают обычно значение «маленький»; из пар со звонкими и глухими согласными в экспериментах звонкие обычно переживаются как «большие» (ср.: E S a p i r, *A study in phonetic symbolism*, «Journal of experimental psychology», XII, 3, 1929; S. S. N e w m a n, *Further experiments in phonetic symbolism*, «The American journal of psychology», 45, 1, 1933; M. C h a s t a i n g, *Nouvelles recherches sur le symbolisme des voyelles*, «Journal de psychologie normale et pathologique», 1, 1964).

¹⁶ Ср. англ. *big*—*small*, русск. *великий* — *малый*; груз. *didi* — *pačara* и др. (ср.: S. U l l m a n n, *Semantic universals*, стр. 179). По вопросу о звуковом символизме в естественных языках см. также: R. U l t a n, *Size-sound symbolism*, «Working papers on language universals», 3, Stanford, 1970; J. N i c h o l s, *Diminutive consonant symbolism in Western North America*, «Language», 47, 4, 1971, стр. 826 и сл.; Т. Э. Г у д а н а, Об одном виде звукоподражания в метрельском диалекте запяского языка, «Тезисы докладов XVI научной сессии Института языкознания», Тбилиси, 1958; Б. В. Ж у р к о в с к и й, Звуковая символика в идеофонах (на материале языка хауса и некоторых других африканских языков), «Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака», Л., 1969, стр. 54 и сл.; А. П. Ж у р н и с к и й, О семантике гласных в идеофонах и эво, там же, стр. 56 и сл.

симостей: отношений на уровне означаемых и соответственно на уровне означающих. Между этими двумя рядами «горизонтальных» отношений существует определенная корреляция, выражающаяся в том, что первые (отношения между означаемыми) отражаются в характере отношений между соответствующими означающими.

Определенные отношения между означаемыми (такие, как, например, отношение количества: «один» ~ «много», близости — отдаленности в пространстве и времени: «ближе» ~ «дальше»; «раньше» ~ «позже», величины: «большой» ~ «маленький», отношение сходства — различия, отношение следования, отношения родства и др.¹⁷) проявляются в соответствующих означающих своеобразными соотношениями фонемного сходства, специфических фонемных противопоставлений, длины фонемного состава, определенными синтагматическими особенностями и другими характеристиками плана выражения, имеющими довольно общий и универсальный характер; отношения на уровне означаемых индуцируют специфический характер отношений между соответствующими означающими. В этом проявляется зависимость «горизонтальных» отношений на уровне означающих от соответствующих отношений на уровне означаемых; в этом смысле можно говорить о мотивированности отношений между означающими через отношения между соответствующими означаемыми, относящимися к плану содержания языка.

Однако эта зависимость отношений между означающими от отношений между соответствующими означаемыми носит обычно в языковых знаках характер не диаграммной зависимости в понимании Ч. Перса, при которой отношения между означающими иконически отражают характер отношений между означаемыми, а проявляется в виде условной зависимости, при которой мотивированность выражается в возникновении специфических для уровня означающих черт, в принципе не характерных для единиц семантического уровня; отношения на уровне означаемых специфически отображаются на отношениях между соответствующими означающими¹⁸.

¹⁷ Такие базисные отношения между означаемыми составляют основные смысловые отношения плана содержания языка, относящиеся к его глубинной структуре. Они характеризуются общностью и универсальностью в том смысле, что эти семантические отношения представлены в плане содержания всех языков, будучи основными, «глубинными» отношениями. Люди, независимо от языка и культуры, обладают общей смысловой системой и организуют свой опыт по аналогичным символическим измерениям (см.: Ch. Osgood, *Language universals and psycholinguistics*, сб. «Universals of language»). Эти и аналогичные им семантические отношения и должны составлять эту «общую смысловую систему». Может быть дана некоторая типология таких базисных смысловых отношений, составляющих глубинную структуру плана содержания языка и лежащих в основе разнообразных конкретных семантических отношений, которые проявляются в отдельных языковых системах. Такая типология послужит некоторой семантической метасистемой при исследовании вопросов выражения смысловых отношений в плане содержания конкретных языков и их отражений в соответствующих единицах плана выражения.

¹⁸ Эта зависимость отношений между означающими от отношений между соответствующими означаемыми, характеризующаяся универсальностью, не нарушается и при диахронических изменениях языка. Фонетические изменения в знаках языка происходят не произвольно, а в некотором смысле направленно, по-видимому, так, чтобы в общем сохранялся характер соотношений между означающими знаками, индуцированный характером отношений между соответствующими означаемыми. Инвариантным при таких изменениях остается общий характер отношений между означающими, тогда как конкретные формы фонемного выражения этих отношений могут диахронически варьировать. Принцип мотивированности отношений между означающими накладывает определенные ограничения на фонетические изменения знаков (ср. в противовес этому положению тезис Соссюра о «неограниченном характере» действия фонетических изменений, являющийся следствием принципа произвольности знака: «Cours de linguistique générale». Edition critique par R. Engler, fasc. 3, Wiesbaden, 1968, стр. 344 и сл.

Именно в этом направлении следует интерпретировать языковые данные, приводимые Р. Якобсоном и другими исследователями¹⁹ для иллюстрации тезиса о мотивированности языкового знака, о зависимости характера означающего от соответствующего означаемого (в противовес сосюровскому тезису о произвольности языкового знака).

Фонетическое сходство таких пар числительных, как, например, русск. *девять* ~ *десять*, сван. *woštɬw* «четыре» ~ *woxwišd* «пять», нем. *zwei* ~ *drei*, тигр. *šo'atte* «семь» ~ *šommonte* «восемь» и др., возникшее в результате частичного уподобления одной формы другой, индуцировано наличием определенного отношения между означаемыми: отношение непосредственного следования между двумя числами отразилось в факте фонетического сходства между соответствующими означающими.

Фонетическое сходство таких терминов родства, как, например, англ. *father* ~ *mother* ~ *brother* или франц. *père* ~ *mère* ~ *frère*, отражает их семантическую близость, характерную для соответствующих означаемых. Определенные отношения на уровне означаемых отражаются специфическими для уровня означающих отношениями фонетического характера. Уровень означаемых индуцирует специфику отношений на уровне означающих. В этом и только в этом смысле можно говорить о мотивации одних отношений другими.

В этом отношении весьма характерны группы ассоциирующих форм, относящихся к определенному семантическому полю, типа нем. *Vube*, *Bursche*, *Bengel*, *Baby*, *Balg*, *Blage*, в которых определенные соотношения между означаемыми проявляются в соответствующих означающих, в монотонном повторении конкретной фонемной единицы, устанавливающим своеобразные соотношения на уровне означающих²⁰.

В этом же смысле следует понимать и отмечаемый Р. Якобсоном факт соотношения между формами единственного и множественного числа. Существуют языки, в которых формы множественного числа отличаются от соответствующих форм единственного числа прибавлением аффикса, в то время как нет языков с обратным соотношением, т. е. со специальным аффиксом в формах единственного числа при отсутствии аффикса в формах множественного числа²¹. Соотношение в фонемном составе между формами единственного и множественного числа на уровне означающих (ед. число — краткая форма ~ мн. число — длинная форма) своеобразно отражает отношение количества («один» ~ «много») на уровне означаемых. Ср. также соотношение кратких и долгих глагольных форм соответственно единственного и множественного числа во французском: *je finis* ~ *nous finissons*; *tu finis* ~ *vous finissez*; *il finit* ~ *ils finissent*.

Такие соотношения между означаемыми и соответствующими означающими пронизывают всю морфологическую структуру языка (ср. отмечаемое Р. Якобсоном соотношение между степенями сравнения прилагательных в индоевропейских и других языках, в которых отношения возрастающей интенсивности качества выражаются на уровне означающих возрастанием длины фонемного состава прилагательного: англ. *high* ~ *higher* ~ *highest*, лат. *altus* ~ *altior* ~ *altissimus* и др.). Все эти и аналогичные им

¹⁹ Ср.: R. W. Wescott, Linguistic iconism, «Language», 47, 2, 1971.

²⁰ См.: G. Deeters, Gab es Nominalklassen in allen kaukasischen Sprachen, сб. «Corolla linguistica. Festschrift F. Sommer», Wiesbaden, 1955, стр. 31. По поводу подобного рода ассоциирующих слов, объединяемых смысловой общностью (ср. англ. *twist*, *twirl*, *tweak*, *twill*, *tweed*, *tweezer*, *twiddle*, *twine*, *twinge*), см.: D. L. Bolinger, Rime, assonance and morpheme analysis, «Word», 6, 1950, 6, 1950, стр. 117 и сл.; Интересные данные в этом отношении приводятся в статье: Н. А. Сыромятников, Определение родственности корней, ВЯ, 1972, 2, стр. 109 и сл.).

²¹ См.: J. H. Greenberg, Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements, сб. «Universals of language», стр. 74.

примеры, число которых можно было бы приумножить с привлечением иллюстраций из разных языков, свидетельствуют о наличии своеобразной зависимости в сфере «горизонтальных» отношений между означаемыми и соответствующими означающими. Зависимость эта не иконического характера, что свойственно для разного рода диаграммных отображений; она в сущности конвенциональна и носит характер условной зависимости в том смысле, что специфические отношения между означающими, обусловленные отношениями между соответствующими означаемыми, не отражают, не являются иконическим повторением специфики этих последних. Диаграммное соответствие в языковых знаках можно было бы усмотреть частично на синтаксическом уровне, где линейная последовательность членов синтаксической группы находится в определенной иконической зависимости от отношений порядка или ранга на уровне означаемых. Так, например, последовательность глагольных форм *vēni, vīdi, vīci* в известном изречении Цезаря иконически воспроизводит порядок связанных между собой событий; или в фразе *Le Président et le Ministre prirent part à la réunion* последовательность членов *Président ~ Ministre* отражает отношение иерархии между соответствующими означаемыми²².

Итак, выявляемая в языковых знаках зависимость плана выражения от плана содержания относится исключительно к сфере «горизонтальных» отношений между означаемыми и соответствующими означающими и не затрагивает сферы «вертикальных» отношений между означаемым и означающим, характеризующихся условностью и отсутствием мотивации.

По-видимому, в этом смысле следует толковать и известный опыт с фигурами Кёлера, обозначаемыми «словами» *takete* и *maluma*²³. Мотивированность связи между означаемым и означающим в этом и в других аналогичных опытах психологов²⁴ затрагивает не «вертикальные», а лишь «горизонтальные» отношения между знаками.

Проблема *thesesi ~ phusei* языкового знака, рассматриваемая лишь в плане «вертикальных» или в плане «горизонтальных» отношений, характеризуется неполнотой и с необходимостью приводит к прямо противоположным ответам на вопрос о природе языкового знака, о характере отношений между означающим и означаемым.

При рассмотрении языкового знака как единства «вертикальных» и «горизонтальных» отношений прямо противоположные суждения о характере отношений между означаемым и означающим представляются не противоречивыми (контрадикторными), а дополнительными (комплементарными) друг в отношении друга, характеризующими с необходимой полнотой сущность языкового знака.

Эти суждения, оба истинные, но частичные каждое в отдельности в отношении характеризуемого объекта, находятся в соотношении, определяемом как «дополнительность» (в смысле Нильса Бора)²⁵.

²² См.: R. Jakobson, Implications of language universals for linguistics, сб. «Universals of language», стр. 213; ср., однако: D. Bolinger, Aspects of language, New York, 1968, стр. 16.

²³ См.: W. Köhler, Gestalt psychology. An introduction to new concepts in modern psychology, New York, 1947, стр. 224 и сл.

²⁴ См.: S. H. Tsuru, H. S. Fries, A problem in meaning, «The journal of general psychology», 8, 1, 1933; R. Davis, The fitness of names to drawings. A cross-cultural study in Tanganyika, «The British journal of psychology», 52, 3, 1961; А. Г. Баинашвили: Экспериментальная психология наименования, Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).

²⁵ О принципе дополнительности см.: Н. Бор, Философия естествознания и культуры народов, сб. «Атомная физика и человеческое познание», М., 1961, стр. 39 и сл.